

To cite text:

Chubarov, Igor (2022), "Историю пишут непобежденные, или еще раз о партизане", *Philosophy and Society* 33 (4): 765–776.

Игорь Чубаров

ИСТОРИЮ ПИШУТ НЕПОБЕЖДЕННЫЕ, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О ПАРТИЗАНЕ¹

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена экспликации позитивной эпистемологии жертвы войны на материале творчества В. Беньямина и К. Шмитта. К дискуссии привлекается сербский философ П. Боянич, предложивший оригинальную версию деконструкции фигуры победителя и побежденного у В. Беньямина в книге "Насилие и мессианизм" (2018). Автор предлагает рассмотреть в качестве примиряющей эти несводимые позиции фигуру партизана, подвергая философской критике известную теорию о нем Карла Шмитта. В этом же контексте принципиальной критике подвергнута этическая теория справедливой войны и леволиберальная критика беспилотных военных технологий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Вальтер Беньямин; Карл Шмитт; "номос земли"; партизан; камикадзе; "новые войны", дрон, теория "справедливой войны"

Jetztzeit

История – это актуальный опыт современности – Беньяминово "сейчас-время" (Jetztzeit), в котором мы сталкиваемся с неразрешенными в прошлом проблемами и проявляющимися в событиях настоящего противоречиями. Иначе мы бы ничего в ней не понимали. Поэтому если мы хотим понять современную войну, нам следует "чесать против шерсти" ее историю. В своем последнем эссе "О понятии истории" (1940) Вальтер Беньямин писал о необходимости "взорвать" исторический континуум, отказавшись от представления о пустом и гомогенном времени, тянущемся от прошлого к будущему через настоящее. Цель состояла в его остановке, ведущем к замиранию мысли и дальнейшему извлечению смысла

¹ Статья выполнена в рамках научного семинара "Критическое мышление как предмет критики в истории русской и европейской мысли", проводимого Балтийским федеральным университетом имени Иммануила Канта.

исторических событий прошлого во вспыхивающем на миг образе актуального настоящего, в котором как в монаде отражалась бы вся история:

Исторический материалист подходит к историческому предмету исключительно там, где он предстает ему как монада. В этой структуре он узнает знак мессианского застывания хода событий, иначе говоря: революционного шанса в борьбе за угнетенное прошлое. Он ухватывается за него, чтобы вырвать определенную эпоху из гомогенного движения истории; точно так же он вырывает определенную биографию из эпохи, определенное произведение из творческого пути. Результат такого приема заключается в том, что удастся сохранить и сублимировать в одном этом произведении – всю творческую биографию, в одной этой творческой биографии – эпоху, а в одной эпохе – весь ход истории. (Беньямин 2012: 248)

Историк, по Беньямину, способен понять исторические феномены, только если проблематизирует расхожие приемы “вживания” в привилегированных исторических субъектов – победителя, угнетателя или господина, и осознанно встанет на позицию исторического материалиста, вживаясь в маргинальные фигуры побежденного, наемного рабочего или раба. Необходимость подобной методологической рокировки обусловлена компрометацией ценностей господствующей культуры, которая вбирает в себя одновременно высочайшие достижения человеческого духа и обескураживающие свидетельства варварства². Сама культурная европейская традиция в ее истоках оказывается здесь под ницшеанским подозрением – “сколько крови и ужаса заложено в основе всех ‘хороших вещей’! [...]” (Ницше 2012: 278).

К подобным гибридным духовно-варварским продуктам человеческой культуры принадлежит и традиционная милитаристская этика, венчаемая теориями “справедливой войны” от Августина до Макмахана. Попытки некоторых ее представителей усидеть на двух кантовских стульях – животной инстинктивности и свободной рациональности – наглядно иллюстрируют этот тезис (Куманьков 2019b: 205). Но каков статус этических и социально-антропологических теорий на которые ориентируются современные политики и военные, как минимум в своей PR-риторике, а как максимум в принятии судьбоносных решений о войне и мире? В горизонте генеалогии морали и эпистемологии жертвы концепция “справедливой войны”, до сих пор спекулирующая на противостоянии равных друг другу благородных комбатантов, соперничающих военачальников и конкурирующих социально-экономических моделей – это не просто научная теория или миф. Это идеологический конструкт, служащий целям легитимации государственного насилия в глазах травмированных войной рядовых членов общества.

---

2 Ср.: “Это наследие обязано своим существованием не только усилиям великих гениев, создававших его, но и подневольному труду их безымянных современников. Не бывает документа культуры, который не был бы в то же время документом варварства” (Там же. С. 241)

Эпистема жертвы

В нашей статье в “Логосе” (№ 3 (32) 2022), написанной еще до СВО ВС РФ на Украине мы поставили вопрос о своего рода эпистемологии жертвы как специфической позиции познания и знания со своей оптикой, системой координат и ценностей. Причем речь шла не о расхожей психологической роли жертвы или жертвенной функции как результата свободного (смелого или трусливого) выбора между позициями победителя и побежденного, господина и раба, а о присущем любому современному горожанину опыте возможной жертвы “гуманитарных” военных операций, потенциальной цели террористических атак и “сопутствующего ущерба” targeted killings акций и конфликтов “низкой интенсивности”. Другой разновидностью этого же опыта является сама возможность быть призванным в ряды армии. Последнее не предполагает обязательного участия в принятии решений о ведении военных действий или реальные убийства, а лишь широкий спектр милитаристских навыков, получаемых гражданским населением в школе и армии по имеющимся в большинстве стран программам военной подготовки или фактическом участии в срочной службе согласно закону о воинской обязанности и военной службе. Важно понимать, что принятие подобной пассивной роли жертвы, как правило, не является добровольным. Кроме военных и полицейских, сознательно и добровольно получающих от государства право на применение насилия с освобождением от личной юридической ответственности, большинство мужского населения призывного возраста легитимно принуждаются к несению воинской службы в страновом масштабе, отказ от чего может повлечь за собой серьезные юридические последствия.

Что это предполагает в отношении фигуры жертвы? Она определяется здесь целиком негативно – дискурс гегелевского Господина, победителя или жреца, легитимирует предполагаемые насильственные действия в одностороннем порядке, учреждая право или поддерживая действующую юридическую систему, этическую доктрину или механику жертвенного ритуала. Если в глазах государства жертва всегда добровольна, а военные действия реактивны и оборонительны, то с позиции невольной жертвы войны, теракта или кровавого жертвенного ритуала соответствующие практики выглядят принципиально иначе.

Субъекты пресловутой “воли к власти” этически не конгруэнтны ее объектам, даже если последним фактически приходится сопротивляться ее осуществлению с оружием в руках. Ведь последние защищают здесь свою жизнь, а не власть. Как обосновывал Бенъямин, насилие как самооборона может быть и оправданным, и справедливым действием, но его юридическая легитимация – никогда. Ибо право на убийство как априори законное действие не может быть даровано никому. Однако, оно может быть присвоено вне юридических законов и норм морали, и даже учреждать и конституировать последние.

Цитирую упомянутую выше статью:

Как могла бы определяться война в подобной эпистемологии жертвы государственного насилия? Как легитимация убийства, выведенного за пределы права и сопровождаемого социальным, а затем и экзистенциальным исключением жертвы со ссылкой на суверенное решение божества или его земных представителей. Здесь происходит короткое замыкание концепции политической теологии, связывающее войну и жертвенный ритуал, и одновременно демонстрирующее ее идеологическую природу, и концептуальную уязвимость. Инстанция божества вводится *ad hoc*, как реакция на релятивный характер справедливости и нищезанское подозрение в личной заинтересованности его агентов в этической и правовой легитимации соответствующих социальных феноменов. Ведь если индивидуально все люди аморальны, то нравственным нормам и бескорыстной инстанции их вменения просто неоткуда взяться, даже если считать их результатом этической конвенции и социального компромисса. Даже если не вставить в откровенно нигилистическую позицию, интерпретируя этику как продолжение войны “другими средствами”, воля к власти высшего существа оказывается выше волений всех возможных субъектов насилия только номинально, т. е. не как средство достижения справедливых целей, а как манифестация его бытия. Именно в этом пункте этика войны как способ оправдания военного насилия может быть подвергнута принципиальной критике.³

Но может ли жертва быть описана позитивно, есть ли у нее своя, альтернативная эпистемологии победителей эпистема и соответствующая этика?

Историю пишут непобежденные

Белградский философ Петар Боянич⁴ в своей книге “Насилие и мессианизм” (2018) подвергает деконструкции фигуру Мессии-победителя из тезисов Беньямина “О понятии истории” (2012a). Поставить во главу угла исторического развития неудачника, раба, рабочего, поверженного солдата, а не господина, владельца бизнеса или победоносного военачальника – идея крайне двусмысленная. Здесь с Бояничем нельзя не согласиться. Если исторически побеждаемые в результате прихода лукачевского пролетария-Мессии окажутся победителями, избежать круга “мифического насилия” будет невозможно. Ибо, как пишет Боянич, “победа и победитель относятся к мифу (мифическому насилию) и создают новое право, которое поддерживается насилием победителя (полицейское насилие) (не наблюдается ли в этом критики и сдержанного отношения Беньямина по отношению к ‘диктатуре пролетариата?’)” (Боянич 2018: 212).

Но далее Боянич разоблачает попытки Беньямина воздержаться и уклониться от так понимаемой “победы”, упрекая его в непоследовательном

3 См.: Чубаров, Апполонова 2022: 76; Ср.: Беньямин 2012b: 87.

4 См. о нем: https://ifdt.bg.ac.rs/index.php/dt_team/petar-bojanic/

саботаже собственных деклараций о неизбежности и оправданности революции. Представляется, что фигуры победителя и побежденного у Бенямина равноуровневые – уровня “духовного” и “мирского”, соответственно. И смешивать их не следует. Весь вопрос его последнего эссе сводится к тому, возможна ли революция, вернее приведет ли она средствами присущего ей “божественного насилия” к “спасению” исторических феноменов от господской оптики и оценки, и “избавлению” угнетенных в настоящем от насилия и несправедливости.

Сжатый ответ на этот вопрос находится в неопубликованном при жизни философа, фрагменте, названном издателями “Теолого-политическим”:

Ибо в счастье все земное чаёт свою гибель, лишь в счастье предначертано ему эту гибель обрести. Хотя, конечно, непосредственное мессианское усилие сердца, отдельного внутреннего человека, ведет сквозь несчастье, сквозь страдание. Духовному *restitutio in integrum* (восстановлению в прежних правах), которое приводит к бессмертию, соответствует мирское, ведущее к вечной гибели, и ритм этого вечно преходящего, в своей тотальности преходящего, в своей пространственной, да и временной тотальности преходящего мирского, ритм мессианской природы – и есть счастье. Ибо мессианской может быть природа только в вечной своей и тотальной преходящести. (Беньямин 2012с: 236).

Мессия здесь не только субъект последней и окончательной победы пролетариата, но и священная жертва – свидетель тотального поражения всего человечества. Побежденный победитель у Бенямина в этом смысле – это жертва атомной войны или гнева божия – “божественного насилия”. В “К критике насилия” (1919 г.) молодой Беньямин писал: “Лживым и низким является положение, будто бытие стоит выше справедливого бытия, если под бытием понимать ничего кроме голой жизни [...]”⁵. Отсюда понятно, что ценность биологической жизни для Бенямина не была абсолютом. В этом пункте этика Бенямина радикализует тезис Канта: “[...] мораль [...] есть учение не о том, как *сделать* себя счастливым, а о том, как мы должны стать *достойными* счастья”⁶. – Этический ригоризм Бенямина идет дальше, задаваясь непolitкорректным сегодня вопросом о том, достойна ли жизнь человека жизни без достоинства.

Мы коротко замыкаем здесь проблематику критики насилия, понятия истории, профанной эсхатологии и счастья, проходившую через все творчество Бенямина, потому что у нас нет задачи найти в его идеях противоречия или единственно правильно их интерпретировать. Задача состоит лишь в том, чтобы сместить с помощью его интуиций угол зрения, или даже обстрела, общих мест историко-философского знания и политической теории.

5 Там же. С. 93.

6 См.: Кант 1965: 463. Ср.: “только если к ней (нравственности) присоединяется религия, появляется надежда когда-нибудь достигнуть счастья в той мере, в какой мы заботились о том, чтобы не быть недостойными его” (Там же. С. 463–464).

Позиция Бенямина едва ли косплеит политическую теологию Карла Шмитта.⁷ Цитированный фрагмент не случайно назван теолого-политическим, где под теологией понимается учение о мирском счастье, состоящее в осознанном принятии личной и социальной смерти. Историческим оптимистом Бенямина не назовешь.⁸

Еще раз о партизане

На наш взгляд позитивному эпистемологическому характеру жертвы (resp., “побежденному” Бенямина) более всего соответствует фигура партизана в истории войн и его ценностная позиция в этических теориях войны. Изначально, партизаны – это застигнутые врасплох мирные жители городов и деревень, вынужденные брать в руки ножи и вилы, чтобы защищать не столько свои жилища, сколько свои жизни от хорошо (в том числе юридически и этически) оснащенных регулярных армий ритуально воюющих между собой государств. Мы говорим здесь о еще не легитимированных партизанах, не получивших поддержки своего государства или не этатизированных самостоятельно. В патриархальной этике и международном праве монархической эпохи, партизаны – это нелегалы, безо всякого права взявшие в руки оружие и сражающиеся с легальными войсками противника незаконными и неэтичными методами.

Шмитт мог гордиться собой, когда, как ему казалось, эксплицировал стратегическую составляющую партизанской войны, перечислив ключевые характеристики партизана и реабилитировав его позитивную этическую программу. Для этого ему, правда, пришлось профанировать теорию классовой борьбы, приписав крестьянам и индустриальным рабочим природную или “абсолютную вражду” в качестве онтологического, экзистенциального свойства, вытекающего из пресловутого понимания политики как отношения друг-враг.

К выделенным Шмиттом характеристикам партизана – иррегулярность, мобильность, политическая вовлеченность и теллуричность, можно добавить эксплуатацию религиозной и этнической принадлежности, экстратерриториальность, глобальность, рыночный характер и информационную сетевую центричность современных террористических организаций, непризнанных и даже запрещенных в цивилизованном мире государств. Но это не отменит главного изъяна его общего методологического подхода

7 См.: “Еврейская философия, таким образом, структурируется прежде всего как “политическая теология”, Боянич 2018: 208. Ср. нашу статью “Бенямин Шмитт не товарищ, или ошибка Агамбена” // Логос 89 (5): 44–67.

8 Ср.: “Между тем, чтобы воздать должное образу Кафки во всей его чистоте и всей его своеобразной красоте, ни в коем случае нельзя упускать из виду главное: это образ человека, потерпевшего крах. Обстоятельства этого крушения – самые разнообразные. Можно сказать так: как только он твердо уверился в своей конечной неудаче, у него на пути к ней все стало получаться, как во сне”, *Бенямин* 2000: 178–179.

– неразличимости виктимных признаков партизан как новых “козлов отпущения” и идентификационных качеств настоящих террористов.

В уже упомянутой статье в Логосе (№ 3, 2022), мы писали, что зафиксированные Шмиттом критерии партизанства послужили разве что перехвату соответствующих компетенций для совершенствования тактик регулярных армий, подобно тому, как разработчики боевых беспилотников переняли свою базовую технологию у японских камикадзе. Восхищаясь партизанскими способами ведения военных действий, Шмитт выводил их иррегулярность из регулярности классических армий, мечтая вернуть партизанство в юридическую рамку, чтобы самих партизан можно было бы этично, и так сказать, *de jure*, уничтожать, используя против них их собственное оружие. В этом и состояла, по Шмитту, научная рационализация этого иррационального феномена – смысл включения партизанской аномии в “номос войны” (Дж. Агамбен). Но он благоразумно умолчал в своей теории партизана о социальных и личных катастрофах, к которым приводила подобная ререгуляризация, в истории (например, использование партизанских приемов в “большой” политике – от сталинских репрессий до атак американских дронов на мирных жителей) (Чубаров, Апполонова 2022: 81–82).

Мы отмечали в этой связи, что леволиберальная критика (напр., у Г. Шамаю) военного использования беспилотников против не обладающего подобными технологиями противника выглядит на этом фоне односторонне и крайне двусмысленно. Двусмысленность подобной позиции проявляется в выводе, что для того, чтобы продолжать критиковать войны с этических позиций, они должны оставаться “старыми”, аналоговыми, то есть быть многолетними, жестокими и разрушительными⁹. Ведь только к таким войнам могут быть применены критерии “справедливости”, в отличие от “новых войн”, ведущихся между боевыми дронами и террористами-смертниками, по ту сторону добра и зла. Критикам беспилотных военных технологий стоило бы скорее попытаться в новых цифровых условиях деполитизировать саму войну, а не заниматься ее пресловутым обереганием, гуманизацией и этизацией – этими квазишмиттеанскими юридическими спекуляциями, героизирующими соответствующие фигуры и навязывающими ненужное им господское признание.

Однако, собственные качества партизанства являются по своему происхождению вынужденными и реактивными, и только их инструментализация в государственных целях (здесь, без различия интересов “первых” и “третьих” сторон) приводит к упомянутым негативным последствиям. Партизанское сопротивление противостоит монопольному присвоению права на военное насилие государственными институтами. В этом плане оно сходно с действиями полиции по поддержанию общественного

9 Ср.: “Парадоксальность ситуации заключается в том, что войне, чтобы оставаться неприемлемой и отталкивающей, необходимо сохранять свою кровавую и смертоносную сущность”, Куманьков 2019а: 160–161.

порядка, но только на международном уровне. В чрезвычайной ситуации партизаны берут на себя функции полиции по соблюдению естественного права на жизнь, свободу и культурное развитие мирного населения, представленных в государственнической риторике симулякрами “национальных интересов”, “суверенитета” и “территориальной целостности”.

В анамнезе новых войн лежит подражание регулярных армий супердержав действиям партизан, и зеркальный ответ на эти действия боевиков, полевых командиров и террористов в продолжительных внутренних конфликтах низкой интенсивности и в террористических атаках на метрополию. Политика потомков кампусных активистов 68-го года и наемников афганской войны 70–80-х годов, эмигрировавших в 90-е через Чечню на Балканы, чтобы затем выползти в Ираке и Сирии в виде Аль-Каиды и запрещенного в РФ Исламского государства, принципиально не отличается в этом плане от политики США и НАТО на территориях той же Сирии, Ливии, Йемена и Пакистана¹⁰. Являясь инверсией последней, разве только нелегитимной, нелегальной и запрещенной, она рекапитализует сегодня насилие не только в политических, но и в экономических целях¹¹.

Проблема новых войн состоит в этом смысле не в справедливости или несправедливости, применяемых во время и после их окончания, средств, а в самом понятии войны, которое отражает природу соответствующих социальных практик и отношений в их истории. А отношения эти всегда были отмечены неравновесностью и асимметричностью воюющих сторон в социокультурном, экономическом и технологическом отношениях, будучи замешаны на внутривосточных подразделениях и противоречиях,

---

10 В статье “Культура новых войн” М. Калдор, цитируя В. Рино (Reno 2012: 163.) замечает: “К 1990-м годам политические мятежники вышли из университетских аудиторий, отвернулись от активистских сетей... и стали полевыми командирами, процветающими в контексте междоусобной политической борьбы. Важнейшая черта полевых командиров состоит в том, что их породили системы государственной власти, против которых они боролись”.

11 Г. Мюнклер указывает, наряду с выделяемыми Калдор этнически-религиозными идентификационными признаками, на экономические интересы новых партизан: “Поскольку военно-полевые командиры отказываются от всего, что повышает стоимость военных действий, они способны вести войну без особых затрат. У некоторых из них, вероятно, есть политический проект, ориентированный на классическую государственную модель, другие же – и их, судя по всему, большинство – хотят лишь достаточно долго использовать ресурсы захваченных территорий и превратить их в стабильный капитал. Для этого они заключают стратегические союзы с международными криминальными группировками и получают серьезную прибыль от нелегальной торговли. Они не заботятся о последствиях разрушений в разграбленных ими районах, предоставляя заботу о местном населении и восстановление опустошенных областей международному сообществу и его благотворительным организациям. Так полевые командиры снова превращают войну в экономический ресурс, который не только обеспечивает их существование, но и снабжает необходимыми запасами. В некотором смысле эти люди – призраки кондотьеров, игравших важнейшую роль в военном деле с XV по XVII век” (Мюнклер 2019: 184–185).

которые эстаблированные ученые и политики предпочитают замалчивать и предавать забвению.

Поэтому войны определяются нами как противостояние мирного населения вооруженному агрессору, где некомбатанты воюют против комбатантов, в ситуации, когда ни местная полиция, ни национальная армия не способны или даже отказываются их защищать. Отсюда и берет свое начало и оправдание фигура партизана¹².

На партизана мы смотрим в этом смысле как на позицию, которую могут занимать и представители официальных вооруженных формирований, когда неравенство противостоящих сторон очевидно, а парадная репрезентация военной мощи доступна только одной стороне. Тем более, как мы уже писали, мобилизация и военная подготовка для гражданских лиц не является каким-то добровольным актом. Партизан в этом смысле даже не отдельный субъект, а вынужденная роль и распределенная функция.

Но в отличии от комбатанта и полицейского, партизан не является носителем правоустанавливающего или правоподдерживающего насилия, соответственно, а выступает (нон)субъектом насилия аномийного или “чистого”, вообще не нуждающегося в праве. В этом смысле партизан выступает не как внешний или внутренний враг, а как жертва превентивной господской агрессии – он и есть принесенный в жертву гегелевский прото- и противогосподин, который, правда, и не собирался ни с кем сражаться за признание, престиж или самосознание. И в этом проявляется его избранное сродство с “непобежденным” Вальтера Беньямина.

Литература

- Беньямин, Вальтер (2012а), “О понятии истории”, в: *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*, Москва: РГГУ, С. 237–254.
- (2012b), “К критике насилия”, в: *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*, Москва: РГГУ, С. 65–100.
- (2012с), “Теолого-политический фрагмент”, в: *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*, Москва: РГГУ, С. 235–236.
- (2000), *Франц Кафка*, Москва: Ad Marginem.

12 Ср.: “Партизан испанской герильи 1808 г. был первым, кто отважился иррегулярно бороться против первых современных регулярных армий. Наполеон осенью 1808 г. разгромил регулярную испанскую армию; собственно испанская герилья началась только после этого поражения регулярной армии” (Шмитт 2007: 13). Как отмечает Шмитт, испанский Guerrillero, самоотверженно включившийся в противостояние мировых политических сил, становится примером народной борьбы, к которой затем призывал Прусский эдикт 1813 года: бороться с врагом любыми видами оружия, включая топоры, вилы, косы. И несмотря на то, что впоследствии “до немецкой партизанской войны против Наполеона дело не дошло”, этот эдикт имеет особое значение, так как официально легитимирует партизана. “Искра, залетевшая в 1808 г. из Испании на север, нашла в Берлине теоретическую форму, которая дала возможность сохранить ее горение и передать ее дальше в другие руки” (См. там же. С. 69–70, 75).

- Боянич, Петар (2018), *Насилие и мессианизм*, Екатеринбург, Москва: Кабинетный ученый.
- Жиран, Рене (2010a), *Козел отпущения*, СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- (2010b), *Насилие и священное*, Москва: Новое литературное обозрение.
- Калдор, Мэри (2015), *Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху*, Москва: Издательство Института Гайдара.
- (2019), “Культура новых войн”, *Логос* 29 (3): 1–21.
- Кант, Иммануил (1965), “Критика практического разума”, в: *Собр. соч.*: В 6 т. Москва: Мысль, Т. 4 (1).
- Куманьков, Арсений Дмитриевич (2019a), *Война, или В плену насилия*, Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- (2019b), *Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фуштин, Б. Оренд, Дж. Макмахан*, Санкт-Петербург: Алетейя.
- Мюнклер, Герфрид (2019), “Новые войны. О возвращении одной исторической модели”, *Логос* 29 (3): 181–216.
- Ницше, Фридрих (2012), “К генеалогии морали”, в: *Полн. собр. соч.*: В 13 т. Москва: Культурная революция, Т. 5, С. 231–383.
- Чубаров, Игорь (2012), “Беньямин Шмитту не товарищ, или ошибка Агамбена”, *Логос* 5 (89): 44–67.
- Чубаров, Игорь; Апполонова, Юлия (2022), “‘Старых’ войн не было или этика дронов”, *Логос* 32 (3): 59–102.
- Шамаю, Грегуар (2020), *Теория дрона*, Москва: Ад Маргинем Пресс, музей современного искусства “Гараж”.
- Шмитт, Карл (2007), *Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического*, Москва: Праксис.
- (2008), *Номос Земли в праве народов Jus publicum Europaeum*, Санкт-Петербург: Владимир Даль.
- Reno, William (2012), *Warfare in Independent Africa: New Approaches to African History*, Cambridge: Cambridge University Press.

References

- Benjamin, Walter (2012a), *O ponyatii istorii* [Über den Begriff der Geschichte], *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya*, Moscow: RGGU, pp. 237–254.
- (2012b), *K kritike nasiliya* [Zur Kritik der Gewalt], *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya*, Moscow: RGGU, pp. 65–100.
- (2012c), *Teologo-politicheskij fragment* [Theologisch-politische Fragment], // *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya*, Moscow: RGGU, pp. 235–236.
- (2000), *Franc Kafka* [Benjamin über Kafka], Moscow: Ad Marginem.
- Bojanić, Petar (2018), *Nasilie i messianism* [Violence et messianisme], Ekaterinburg, Moscow.
- Chamayou, G. (2020), *Teoriya drona* [Théorie du Drone], Moscow: Ad Marginem, Garage.
- Chubarov, Igor (2012), *Ben'yamin SHmittu ne tovarishch, ili oshibka Agambena* [Benjamin vs. Schmitt: Giorgio Agamben's Mistake], *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal] 5 (89): 44–67.
- Chubarov, Igor; Appolonova, Yulia (2022), “‘Staryh’ vojn ne bylo ili etika dronov
- [There has never been old Wars, or, Drone ethics] // *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal] 32 (3): 59–102.

- Girard, René (2010a), *Kozel otpushcheniya* [Le bouc émissaire], Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbaha.
- . (2010b), *Nasilie i svyashchennoe* [La violence et le sacré], Moscow: New Literary Observer.
- Kaldor, Mary (2015), *Novye i starye vojny. Organizovannoe nasilie v global'nyu epohu* [New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era], Moscow: Gaidar Institute Publishing House.
- . (2019), *Kultura novyh vojn* [The Culture of new Wars]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal] 29 (3): 1–21.
- Kant, Immanuel (1965), *Kritika prakticheskogo razuma* [Kritik der praktischen Vernunft], *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected Works: In 6 vols], Moscow, *Mysl'*, vol. 4 (1).
- Kumankov, A. D. (2019a), *Vojna, ili V plenu nasiliya* [War or Captivity to Violence], Saint Petersburg: EUSPb.
- . (2019b), *Sovremennye klassiki teorii spravedливой vojny: M. Uolcer, N. Foushin, B. Orend, Dzh. Makmahan* [Modern classic just war theory: M. Walzer, N. Fotion, B. Orend, J. McMahan], Saint Petersburg: Aleteia.
- Münkler, Herfried (2019), *Novye voïny. O vozvrashchenii odnoï istoricheskoi modeli* [The New Wars: On the Return of a Historical Model], *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 29 (3): 181–216.
- Nietzsche, Friedrich (2012), *K genealogii morali* [Zur Genealogie der Moral]. *Poln. sobr. soch.: V 13 t.* [Complete Works: In 13 vols], Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia, vol. 5, pp. 231–383.
- Reno, William (2012), *Warfare in Independent Africa: New Approaches to African History*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Schmitt, Carl (2007), *Teoriya partizana. Promezhutochnoe zamechanie k ponyatiyu politicheskogo*, [Theorie des Partisanen: Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen], Moscow: Praxis.
- . (2008), *Nomos Zemli v prave narodov Jus publicum Europaeum* [Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus publicum Europaeum], Saint Petersburg: Vladimir Dal'.

Igor Chubarov

History Is Written by the Undefeated, or Once Again about the Partisan

Abstract

The article is an elaboration of the positive epistemology of the victim of war in the works of Walter Benjamin and Carl Schmitt. The discussion involves the Serbian philosopher Petar Bojanić, who in his book "Violence and Messianism" (2018) offers an original version of the deconstruction of the figure of the victor and the vanquished by Benjamin. The article proposes a consideration of the figure of the partisan as reconciling these incompatible positions, subjecting the well-known theory of the partisan by Carl Schmitt to fundamental philosophical criticism. In the same context, the text offers a principled critique of ethical just war theory and left-liberal critique of unmanned military technology.

Keywords: Walter Benjamin, Carl Schmitt, *Nomos of the Earth*, partisan, kamikaze, "new wars," drone, "just war" theory

Igor Čubarov

Istoriju pišu nepobedeđeni, ili još jednom o partizanu

Apstrakt

Rad je posvećen eksplikaciji pozitivne epistemologije ųrtve rata na materijalu stvaralaštva V. Benjamina i K. Šmita. U diskusiju se uvodi srpski filosof P. Bojanić, koji u knjizi „Nasilje i mesijanizam“ (2018) daje originalnu verziju dekonstrukcije figure pobednika i pobeđenog kod V. Benjamina. Autor predlaže da se figura partizana razmotri u svojstvu faktora pomirenja ovih nespojivih stavova, podvrgavajući principijelnoj filosofskoj kritici poznatu teoriju Karla Šmita. U istom tom kontekstu principijelnoj kritici podvrgnuta je i etička teorija pravednog rata i levoliberalna kritika bespilotnih vojnih tehnologija.

Ključne reči: Valter Benjamin, Karl Šmit, „nomos zemlje“, partizan, kamikaze, „novi ratovi“, dron, teorija „pravednog rata“